DOI: https://doi.org/10.37547/supsci-ojhpl-06-11-10 Pages: 121-132

Oriental Journal of History, Politics and Law

ORIENTAL JOURNAL OF HISTORY, POLITICS AND LAW

journal homepage:
https://www.supportscience.uz/index.php/ojhpl

THE HOLIDAY AS A SOCIO-CULTURAL PHENOMENON: ESSENCE, FUNCTIONS AND THEORETICAL APPROACHES TO ITS STUDY

Akbar Atamukhamedov
Researcher, National University of Uzbekistan
named after Mirzo Ulugbek
Tashkent, Uzbekistan

ABOUT ARTICLE

Key words: holiday; socio-cultural phenomenon; functions of the holiday; Navruz; Biruni; Mahmud al-Kashgari; historiography; Uzbekistan.

Received: 01.11.26
Accepted: 02.11.26
Published: 03.11.26

Abstract: The article examines the holiday as a socio-cultural phenomenon and traces the history of its study. Drawing on the works of Biruni, Mahmud al-Kashgari, I. M. Snegirev, E. Durkheim, J. Huizinga, M. M. Bakhtin, V. Ya. Propp and Soviet researchers of the 1970s–1980s, the author defines the features that distinguish a holiday from other forms of leisure: a fixed and recurring time, an occasion, collective participation and special behaviour. Six functions of the holiday are identified (recreational, chronological, integrative, transmitting, moral-regulatory and identity-forming) and compared with the festive practices of the Uzbek people, including Navruz, the two Eids and family celebrations. The study proposes a five-stage periodisation of research on the holiday, from the medieval Eastern stage to the Soviet studies of the 1970s–1980s, and argues that the works of Biruni and Kashgari should be regarded as the first stage of the comparative study of holidays. The findings can be used in teaching the cultural history of Uzbekistan and in organising public celebrations.

BAYRAM IJTIMOIY-MADANIY HODISA SIFATIDA: MOHIYATI, VAZIFALARI VA O‘RGANISHNING NAZARIY YONDASHUVLARI

Akbar Atamuhamedov
Mirzo Ulug‘bek nomidagi O‘zbekiston Milliy universiteti
tadqiqotchisi
Toshkent, O‘zbekiston

MAQOLA HAQIDA

Kalit so‘zlar: bayram; ijtimoiy-madaniy hodisa; bayram vazifalari; Navro‘z; Beruniy; Mahmud Koshg‘ariy; tarixshunoslik; O‘zbekiston.

Annotatsiya: Maqolada bayram ijtimoiy-madaniy hodisa sifatida ko‘rib chiqilgan va uni o‘rganish tarixi kuzatilgan. Beruniy, Mahmud Koshg‘ariy, I. M. Snegiryov, E. Dyurkgeym, Y. Xyoyzinga, M. M. Baxtin, V. Ya. Propp hamda 1970–1980-yillar sovet tadqiqotchilarining asarlari asosida bayramni boshqa dam olish shakllaridan ajratib turuvchi belgilar aniqlangan: muayyan va takrorlanuvchi vaqt, sabab, jamoaviy ishtirok va alohida xulq-atvor. Bayramning oltita vazifasi (rekreatsion, xronologik, integrativ, meros uzatuvchi, axloqiy-tartibga soluvchi va o‘zlikni shakllantiruvchi) ajratilgan va o‘zbek xalqining bayram an’analari – Navro‘z, Ramazon va Qurbon hayitlari, oilaviy to‘ylar bilan qiyoslangan. Bayramni o‘rganishning o‘rta asrlar Sharq bosqichidan 1970–1980-yillar sovet tadqiqotlarigacha bo‘lgan besh bosqichli davriylashtirishi taklif etilgan. Beruniy va Koshg‘ariy asarlarini bayramlarni qiyosiy o‘rganishning ilk bosqichi sifatida baholash asoslangan. Natijalardan O‘zbekiston madaniyati tarixini o‘qitishda va ommaviy bayramlarni tashkil etishda foydalanish mumkin.

ПРАЗДНИК КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН: СУЩНОСТЬ, ФУНКЦИИ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ

Акбар Атамухамедов
Исследователь Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека
Ташкент, Узбекистан

О СТАТЬЕ

Ключевые слова: праздник; социокультурный феномен; функции праздника; Навруз; Беруни; Махмуд Кашгари; историография; Узбекистан.

Аннотация: В статье праздник рассматривается как социокультурный феномен и прослеживается история его изучения. На основе трудов Беруни, Махмуда Кашгари, И. М. Снегирёва, Э. Дюркгейма, Й. Хёйзинги, М. М. Бахтина, В. Я. Проппа и советских исследователей 1970–1980-х годов определены признаки, отличающие праздник от других форм досуга: закреплённое и повторяющееся время, повод, коллективное участие и особое поведение. Выделены шесть функций праздника (рекреационная, хронологическая, интегративная,

транслирующая, нравственно-регулятивная и идентификационная), которые сопоставлены с праздничными практиками узбекского народа – Навруз, Рамазан и Курбан хайитами, семейными торжествами. Предложена пятиэтапная периодизация изучения праздника – от средневекового восточного этапа до советских исследований 1970–1980-х годов; обосновано отнесение трудов Беруни и Кашгари к первому этапу сравнительного изучения праздников. Результаты могут быть использованы в преподавании истории культуры Узбекистана и при организации общественных праздников.

Введение. Праздник сопровождает человеческие сообщества с древнейших времён. Через него общество отмечает смену сезонов, начало и завершение земледельческих работ, религиозные даты, события семейной и государственной жизни. В праздничном действии сохраняются следы разных исторических эпох: в одном и том же торжестве могут соседствовать доисламские аграрные обряды, мусульманские обычаи и формы, появившиеся в XX веке. Поэтому праздник интересен историку не меньше, чем этнографу или культурологу: он позволяет увидеть, как общество хранит и перерабатывает своё прошлое.

В отечественной и зарубежной науке накоплен значительный материал о праздниках, однако работы, посвящённые сущности праздника, его функциям и истории самой мысли о празднике, редко рассматриваются вместе. Описания конкретных торжеств узбекского народа, как правило, существуют отдельно от общих теорий праздника, а ранние восточные тексты – труды Абу Райхана Беруни и Махмуда Кашгари – чаще привлекаются как источники фактов, чем как этап в истории осмысления праздника.

Цель статьи – определить сущность и функции праздника как социокультурного явления и проследить, как складывались теоретические подходы к его изучению от средневековых восточных авторов до советской науки 1970–1980-х годов. Для достижения цели поставлены следующие вопросы: 1) какие признаки отличают праздник от других форм досуга; 2) какие функции праздника выделяются в научной литературе и как они проявляются в праздниках узбекского народа; 3) какие этапы можно выделить в истории изучения праздника. Новизна работы состоит в том, что функции праздника сопоставлены с конкретными праздничными практиками узбеков, а сочинения Беруни и Кашгари включены в общую периодизацию изучения праздника наряду с российской,

западноевропейской и советской традициями; результаты сведены в две авторские таблицы.

Обзор литературы. Литература по теме делится на несколько групп. К первой относятся средневековые восточные сочинения. В «Памятниках минувших поколений» Беруни подробно описал календари и праздники персов, согдийцев, хорезмийцев, греков, иудеев, христиан и мусульман, связав каждую дату с её астрономическим, хозяйственным или историческим основанием [1]. «Диван лугат ат-турк» Махмуда Кашгари содержит лексику, пословицы и стихотворные фрагменты, по которым можно судить о сезонных обычаях, пирах (той), играх и состязаниях тюркских народов XI века [2].

Вторую группу составляют работы российских этнографов и фольклористов. И. М. Снегирёв в 1837–1839 годах издал четыре выпуска «Русских простонародных праздников и суеверных обрядов», где праздники описаны в порядке годового круга [3]. В. Я. Пропп в книге «Русские аграрные праздники» (1963) показал, что календарные праздники разных сезонов строятся по сходной схеме и восходят к земледельческой обрядности [4]. Третья группа – западноевропейская мысль начала и середины XX века: Р. Роллан в книге «Народный театр» (1903) видел в народном празднестве форму искусства, способную объединить массы [5]; Э. Дюркгейм в «Элементарных формах религиозной жизни» (1912) рассматривал периодические собрания и обряды как источник коллективного подъёма и солидарности [6]; Й. Хёйзинга в «Homo ludens» (1938) сблизил праздник с игрой как особой сферой, отделённой от обыденной жизни [7].

Четвёртую группу образуют советские исследования. М. М. Бахтин на материале средневекового карнавала описал праздник как время, когда снимаются иерархические перегородки и утверждается особый, «второй» мир народной жизни [8]. Д. М. Генкин изучал массовые праздники как форму организованного досуга и воспитания [9], Э. В. Соколов – как высшую форму свободного времени [10], А. И. Мазаев – как социально-художественное явление на стыке быта и искусства [11]. Польский социолог К. Жигульский в книге, изданной на русском языке в 1985 году, показал, как праздник меняется вместе с обществом и как старые праздники сосуществуют с новыми [12]. Узбекская традиция представлена прежде всего фольклористическими и этнографическими работами: Б. Саримсоқов систематизировал узбекский обрядовый фольклор [13], Г. П. Снесарев исследовал доисламские пласты в обрядах узбеков Хорезма [14]. Вместе с тем обобщающего исследования, в котором эти линии рассматривались бы как единая история изучения праздника, в узбекской историографии пока нет; этот пробел и определил задачу статьи.

Методология. Исследование носит теоретико-аналитический характер и основано на опубликованных источниках и научной литературе. Использованы историографический метод (выявление и сопоставление взглядов авторов разных эпох), сравнительно-исторический метод (сравнение восточной, российской, западноевропейской и советской традиций), функциональный анализ (выделение функций праздника и их сопоставление с конкретными праздничными практиками), а также метод периодизации. Работы цитируются по доступным русским и узбекским изданиям; сочинение Беруни – по русскому переводу М. А. Салье, «Диван лугат ат-турк» – по русскому переводу З.-А. М. Ауэзовой. Полевой материал в исследовании не использовался, что составляет его ограничение: функции праздника иллюстрируются примерами из опубликованной литературы, а не данными собственных наблюдений.

Результаты. *Сущность праздника.* В бытовом понимании праздник – это день, который отмечают радостно и торжественно. Научная литература уточняет это представление. Праздник противопоставлен будням: он выделяет из потока одинаковых дней особое время, которое переживается иначе, чем рабочее. Хёйзинга подчёркивал, что праздник, как и игра, создаёт замкнутое пространство и время со своими правилами [7]. Бахтин писал о празднике как о времени, когда люди на определённый срок оказываются вне привычного порядка и вступают в свободный, неофициальный контакт друг с другом [8]. Мазаев рассматривал праздник как такую форму жизни общества, в которой бытовое поведение людей приобретает художественную выразительность, а сама жизнь как бы показывает себя в лучшем виде [11].

Из этих определений вытекают основные признаки праздника. Во-первых, он привязан к определённому времени и, как правило, повторяется: ежегодные праздники с древности служили мерой времени и задавали ритм году. Во-вторых, праздник требует участия: зритель, не вовлечённый в действие, праздника не переживает. В-третьих, праздник имеет повод – природный, религиозный, исторический или семейный, – и этот повод осмысляется через символы и обряды. В-четвёртых, праздничное поведение отличается от повседневного: люди надевают лучшую одежду, готовят особые блюда, ходят в гости, примиряются. Именно совокупность этих признаков отличает праздник от простого выходного дня, который освобождает от работы, но не создаёт особой атмосферы.

Для праздников узбекского народа эти признаки хорошо видны на примере Навруза. Праздник приходится на день весеннего равноденствия, то есть имеет природное основание; Беруни объяснял его как начало года и связывал с преданиями о древних царях [1]. В дни Навруза готовят сумаляк, причём варка его идёт всю ночь и собирает вместе соседок и родственниц; принято навещать старших, помогать нуждающимся, мириться с

теми, с кем были в ссоре. В 2009 году Навруз был внесён в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО по совместной номинации семи государств, в том числе Узбекистана; в 2016 году число государств-участников номинации возросло до двенадцати [15]. Это международное признание отражает и общее для многих народов понимание Навруза как праздника обновления, мира и добрососедства.

Разнообразие праздников отражено и в узбекской праздничной терминологии. Общее понятие праздника передаётся словом «байрам». Религиозные праздники называют «ҳайит» (от арабского «ʿид»): Рамазан ҳайити и Қурбон ҳайити. Весенние и летние народные гуляния, приуроченные к цветению или созреванию, носят название «сайл» (лола сайли, қовун сайли), а семейные торжества – «тўй»: бешик тўйи, суннат тўйи, никоҳ тўйи. Слово «той» в значении пира и угощения зафиксировано уже в словаре Махмуда Кашгари [2]. Таким образом, в самой лексике сохраняется память о разных исторических пластах праздничной культуры – тюркском, мусульманском и земледельческом, – а праздничный словарь можно рассматривать как дополнительный исторический источник.

Функции праздника. В литературе нет единого перечня функций праздника: разные авторы выделяют от трёх до десяти функций, нередко пересекающихся между собой. Сопоставив подходы Дюркгейма, Бахтина, Соколова, Мазаева и Жигульского [6; 7; 8; 10; 11; 12], можно выделить шесть основных функций. Они сведены в таблицу 1, где каждая функция соотнесена с примерами из праздничной жизни узбекского народа.

Таблица 1. Функции праздника и их проявление в праздниках узбекского народа (составлено автором)

Функция	Содержание	Примеры из праздничной культуры узбеков
Рекреационная (компенсаторная)	Временное освобождение от будничного труда и забот, снятие физической и эмоциональной усталости	Прекращение повседневных работ в дни Навруза; весенние гуляния – «сайли» (лола сайли и др.)
Хронологическая (календарная)	Разметка года, связь общественной жизни с природными и хозяйственными циклами	Навруз как начало года и полевых работ; осенние праздники урожая; описание годового круга праздников у Беруни
Интегративная (коммуникативная)	Объединение людей разных возрастов и социальных групп вокруг общих ценностей и действий	Совместная варка сумаляка; хашар; праздничные собрания махалли; посещение родственников и соседей
Транслирующая	Передача обычаев, обрядов, фольклора и навыков от старших к младшим	Обрядовые песни и игры, исполняемые на праздниках; кураш, улак; праздничные блюда, рецепты которых передаются в семье

Функция	Содержание	Примеры из праздничной культуры узбеков
Нравственно-регулятивная	Утверждение норм милосердия, уважения к старшим, примирения	Рамазан хайит и Курбан хайит: посещение старших и больных, помощь нуждающимся, примирение поссорившихся
Идентификационная	Осознание принадлежности к семье, общине, народу, государству	Навруз как общенациональный праздник; День независимости; семейные торжества (бешик тўйи, суннат тўйи, никоҳ тўйи)

Рекреационная функция наиболее очевидна, но не исчерпывает сути праздника. Соколов, рассматривая праздник в системе свободного времени, отводил ему высшее место среди форм досуга именно потому, что праздник, помимо отдыха, объединяет людей и наполняет свободное время общезначимым содержанием [10]. Хронологическая функция особенно важна для традиционных обществ. В сочинении Беруни праздники описаны внутри календарей: каждый народ имеет свои месяцы, и в каждом месяце отмечены дни, связанные с солнцем, сбором урожая, памятью о царях и пророках [1]. Праздник здесь – способ упорядочить время.

Интегративную функцию глубже других исследовал Дюркгейм. По его мысли, периодические собрания и общие обряды вызывают у участников состояние коллективного подъёма, благодаря которому общество вновь ощущает своё единство [6]. В узбекской праздничной культуре эту функцию выполняют совместные действия: общая работа по подготовке праздника (хашар, варка сумаляка), общие трапезы, посещение соседей. Махалля здесь выступает естественной средой праздника, в которой участие каждого семейства заметно и значимо.

Транслирующая функция связана с тем, что праздник – одна из главных форм существования обрядового фольклора. Б. Саримсоқов показал, что значительная часть узбекского обрядового фольклора – песни, благопожелания, игровые тексты – бытует именно в рамках календарных и семейных праздников и обрядов [13]. Пока праздник отмечается, сохраняется и связанный с ним фольклор; когда праздник уходит из жизни, его тексты переходят в архивы собирателей. Г. П. Снесарев на материале Хорезма показал, что в праздничной и обрядовой практике узбеков сохраняются элементы очень древних представлений, переосмысленные в мусульманскую эпоху [14]. Это наблюдение важно для историка: праздник оказывается своеобразным «архивом» народной памяти.

Нравственно-регулятивная функция в узбекской традиции особенно тесно связана с религиозными праздниками. Рамазан хайит и Курбан хайит сопровождаются посещением

родителей и старших родственников, помощью малоимущим, поминовением ушедших. Бахтин писал о празднике как о времени, когда отменяются привычные дистанции между людьми [8]; в узбекском праздничном обычае эта идея выражается в примирении, в открытости дома для гостей, в равном угощении для всех приходящих. Наконец, идентификационная функция проявляется в том, что праздник помогает человеку ощутить свою принадлежность к семье, общине и народу. Семейные торжества закрепляют связь поколений, общенациональные праздники – общую историческую память.

Этапы изучения праздника. Анализ литературы позволяет выделить пять этапов в истории изучения праздника; они представлены в таблице 2.

Таблица 2. Периодизация изучения праздника (составлено автором)

Этап	Авторы	Подход	Вклад в изучение праздника
XI в. – средневековый восточный	Абу Райхан Беруни; Махмуд Кашгари	Календарно-хронологический; лексикографический и энциклопедический	Описание праздников разных народов внутри их календарей с объяснением астрономических, хозяйственных и исторических оснований; фиксация тюркской праздничной лексики, обычаев и игр
XIX в. – этнографический	И. М. Снегирёв и др.	Описательно-этнографический	Систематическое описание народных праздников по годовому кругу; внимание к сочетанию церковных и древних аграрных элементов
Начало XX в. – эстетический и социологический	Р. Роллан; Э. Дюркгейм	Эстетический; социологический	Народное празднество как форма массового искусства; праздник и обряд как источник коллективного подъёма и общественной солидарности
1930–1960-е гг. – культурологический и фольклористический	Й. Хёйзинга; М. М. Бахтин; В. Я. Пропп	Игровая теория культуры; теория карнавала; историко-типологический анализ обряда	Праздник как особое время и пространство; карнавальное снятие иерархий; общая структура аграрных праздников

Этап	Авторы	Подход	Вклад в изучение праздника
1970–1980-е гг. – советский комплексный	Д. М. Генкин; Э. В. Соколов; А. И. Мазаев; К. Жигульский; Б. Саримсоқов; Г. П. Снесарев	Педагогический; теория досуга; социально-художественный; социологический; фольклористический и этнографический	Праздник в системе досуга и воспитания; праздник как социально-художественное явление; соотношение старых и новых праздников; изучение узбекского обрядового фольклора и доисламских пластов обрядности

Первый этап связан с именами Беруни и Махмуда Кашгари. Беруни не ставил задачи построить теорию праздника, однако его метод отличался последовательностью: он описывал праздники каждого народа в рамках его календаря, указывал дату, объяснял происхождение праздника и связанные с ним предания, отмечал расхождения между разными версиями [1]. Фактически праздники у него разделены по их основаниям – связанные с движением солнца и сменой сезонов, с хозяйственными работами, с памятью о легендарных и исторических событиях, с религиозными предписаниями. Махмуд Кашгари зафиксировал в своём словаре слова и выражения, относящиеся к пирам, сезонным обычаям, играм и состязаниям тюркских народов, и тем самым сохранил ранний пласт праздничной лексики, общий для предков современных тюркских народов, в том числе узбеков [2].

Второй этап – этнографическое описание праздников в XIX веке. Труд И. М. Снегирёва стал одним из первых систематических собраний сведений о народных праздниках России; праздники в нём изложены в порядке годового круга, а в обрядах выделены как церковные, так и более древние, «простонародные» черты [3]. Этот подход – собрать, описать, расположить по календарю – долго оставался основным и для изучения праздников Средней Азии.

Третий этап, приходящийся на начало XX века, принёс два новых взгляда. Р. Роллан видел в народном празднестве путь к искусству, в котором народ из зрителя превращается в участника [5]. Его идеи повлияли на постановщиков массовых действ в первые послереволюционные годы. Э. Дюркгейм перенёс разговор о празднике в область социологии и показал, что общий обряд служит механизмом поддержания солидарности [6]. С этого времени праздник изучают и как социальный институт, а не только как совокупность обычаев.

Четвёртый этап (1930–1960-е годы) связан с культурологическими и фольклористическими теориями. Хёйзинга в «Homo ludens» сблизил праздник с игрой: обоим свойственны выделенность из обыденной жизни, свои правила, особое настроение участников [7]. Бахтин, работа которого была написана в 1940 году и опубликована в 1965 году, показал на материале средневекового карнавала, что праздник может временно переворачивать иерархии и давать выход народному смеху [8]. Пропп, сравнив русские календарные праздники разных сезонов, пришёл к выводу о единстве их структуры и об их связи с земледельческой магией [4].

Пятый этап – советская наука 1970–1980-х годов, когда праздник стал предметом специальных исследований. Д. М. Генкин рассматривал массовый праздник как форму организованного досуга и воспитания [9], Э. В. Соколов – как часть системы свободного времени [10], А. И. Мазаев – как социально-художественное явление, в котором соединяются быт, обряд и искусство [11]. Перевод книги К. Жигульского познакомил советского читателя с социологическим взглядом на изменение праздников в современном обществе [12]. В Узбекистане в те же годы вышли работы Б. Саримсоқова по обрядовому фольклору [13]; ранее, в 1969 году, была опубликована монография Г. П. Снесарева о доисламских пластах в обрядах узбеков Хорезма [14]. Для советской науки этого периода характерно сочетание ценного фактического материала с идеологическими установками, поэтому её выводы требуют критического прочтения.

Обсуждение. Сопоставление подходов показывает, что разные школы видели в празднике разное: Беруни – способ измерения времени, этнографы XIX века – собрание народных обычаев, Дюркгейм – механизм солидарности, Бахтин – время свободы от иерархий, советские исследователи – форму досуга и воспитания. Эти взгляды не исключают друг друга. Каждый из них выделяет одну из функций, перечисленных в таблице 1, и, взятые вместе, они дают более полную картину праздника, чем любая отдельная теория.

Особого внимания заслуживает место Беруни в этой истории. Его описание праздников, сделанное в начале XI века, по полноте и точности сопоставимо с этнографическими трудами нового времени. Беруни сравнивал праздники разных народов, сопоставлял разные версии их происхождения и старался найти рациональное, в том числе астрономическое, объяснение дат [1]. Поэтому его труд можно считать первым опытом сравнительного изучения праздников, а не просто собранием сведений о них. Включение сочинений Беруни и Махмуда Кашгари в общую периодизацию даёт возможность преодолеть представление о том, что научное изучение праздника началось лишь в европейской науке XIX века.

Второй вывод касается функций праздника в узбекской традиции. Примеры, приведённые в таблице 1, показывают, что в узбекских праздниках особенно сильно выражены интегративная и нравственно-регулятивная функции: праздник почти всегда предполагает совместный труд, посещение старших, помощь нуждающимся, примирение. Эти черты сближают народные, религиозные и семейные праздники и составляют общую основу праздничной культуры, которая сохранялась на протяжении столетий при всех изменениях праздничного календаря.

Для исторической науки из сказанного следует практический вывод. Праздник может служить источником по истории повседневности, хозяйства и верований, если исследователь учитывает его многослойность. Описания Беруни позволяют реконструировать праздничные календари народов Мавераннахра и Хорезма X–XI веков [1], материалы Снесарева – проследить, как древние обряды переосмыслялись в мусульманскую эпоху [14], а фольклорные записи Саримсоқова – увидеть, какие обрядовые тексты дожили до XX века [13]. Сопоставление этих источников, разделённых столетиями, позволяет говорить о преемственности праздничной культуры узбекского народа, которая сохранялась при смене религий, государств и календарей.

Вместе с тем выделенные функции нельзя считать неизменными. Жигульский показал, что в современном обществе соотношение функций праздника смещается: рекреационная и развлекательная стороны усиливаются, а обрядовая и воспитательная могут ослабевать [12]. Для узбекской праздничной культуры этот вопрос требует отдельного изучения на основе полевых материалов, анкетирования и наблюдения, что выходит за рамки настоящей статьи.

Заключение. Праздник представляет собой особое, выделенное из будней время, которое имеет повод, повторяется, требует участия и сопровождается особым поведением людей. Анализ литературы позволил выделить шесть функций праздника – рекреационную, хронологическую, интегративную, транслирующую, нравственно-регулятивную и идентификационную – и показать их проявление в праздниках узбекского народа. В истории изучения праздника выделено пять этапов: средневековый восточный (Беруни, Махмуд Кашгари), этнографический XIX века, эстетико-социологический начала XX века, культурологический и фольклористический 1930–1960-х годов и советский комплексный 1970–1980-х годов.

Полученные результаты могут быть использованы в преподавании истории культуры Узбекистана и этнологии, при подготовке учебных пособий по праздничной культуре, а также в работе учреждений культуры и органов самоуправления граждан при организации праздников. Перспективными направлениями дальнейшего исследования

представляются специальное источниковедческое изучение сведений о праздниках в «Памятниках минувших поколений» и «Диван лугат ат-турк» по оригинальным текстам, а также полевое изучение современных форм празднования Навруза и семейных торжеств в разных регионах Узбекистана.

Список использованной литературы:

1. Бируни Абу Райхан. Памятники минувших поколений / пер. и примеч. М. А. Салье // Избранные произведения. – Т. 1. – Ташкент : Изд-во АН УзССР, 1957.
2. Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк / пер., предисл. и коммент. З.-А. М. Ауэзовой; индексы Р. Эрмерса. – Алматы : Дайк-Пресс, 2005. – 1288 с.
3. Снегирёв И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. – Вып. 1–4. – М. : Университетская типография, 1837–1839.
4. Пропп В. Я. Русские аграрные праздники: опыт историко-этнографического исследования. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1963.
5. Rolland R. Le Théâtre du peuple: essai d’esthétique d’un théâtre nouveau. – Paris : Cahiers de la Quinzaine, 1903.
6. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / пер. с фр. – М. : Элементарные формы, 2018.
7. Хёйзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня / пер. с нидерл. – М. : Прогресс; Прогресс-Академия, 1992.
8. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М. : Художественная литература, 1965. – 527 с.
9. Генкин Д. М. Массовые праздники. – М. : Просвещение, 1975.
10. Соколов Э. В. Свободное время и культура досуга. – Л. : Лениздат, 1977.
11. Мазаев А. И. Праздник как социально-художественное явление: опыт историко-теоретического исследования. – М. : Наука, 1978. – 391 с.
12. Жигульский К. Праздник и культура: праздники старые и новые. Размышления социолога / пер. с польск. – М. : Прогресс, 1985.
13. Саримсоқов Б. Ўзбек маросим фольклори. – Тошкент : Фан, 1986.
14. Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. – М. : Наука, 1969.
15. UNESCO. Decision of the Intergovernmental Committee 11.COM 10.B.1: Nawrouz, Novruz, Nowrouz, Nowrouz, Nawrouz, Nauryz, Nooruz, Nowruz, Navruz, Nevruz, Nowruz. – Addis Ababa, 2016. – URL: https://ich.unesco.org/en/decisions/11.COM/10.B.1